

Сенатская площадь: декабристы против декабристов*

Владимир Шкерин

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,
Екатеринбург, Россия

Senate Square: Decembrists Against Decembrists

Vladimir Shkerin

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

This article deals with a historical paradox: the participation of former and present members of the secret Decembrist societies in suppressing the St Petersburg uprising on 14 December 1825, Decembrists against Decembrists. Thus, Colonel Vasily Perovsky, a former member of the Union of Welfare, Nicholas's I adjutant, met Grand Duke Mikhail Pavlovich, who arrived from Warsaw with a letter from Tsarevich Konstantin at the city outpost and then called troops loyal to the emperor to the square. Another adjutant, a member of the same Union, Colonel Alexander Kavelin, brought the young Tsarevich Alexander Nikolayevich (future Alexander II) to the Winter Palace and visited the mortally wounded Governor-General of St Petersburg Count Mikhail Miloradovich on behalf of the emperor. General Sergei Shipov, a member of the Union of Salvation and the Union of Prosperity, commanded the Guards Brigade and tried to prevent the Guards crew from joining the rebels. In a similar attempt, a member of the Union of Prosperity, Colonel Pavel Khvoshchinsky, was wounded in the Moscow Guards Regiment. That day, Alexander von Moller, colonel of the Finnish Guards Regiment, commanded the guards in the Winter Palace, the Admiralty, and the Senate. Officers-cavalry guards members of the St Petersburg branch of the Southern Society I. Annenkov, Prince A. Vyazemsky, H. Depreradovich, D. Artsybashev and a member of the Northern Society A. Muravyov, as well as a member of both secret societies cornet of the Guards Horse Regiment

---

* Citation: Shkerin, V. (2023). Senate Square: Decembrists Against Decembrists. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 423–439. DOI 10.15826/qr.2023.2.797.

Цитирование: Shkerin V. Senate Square: Decembrists Against Decembrists // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 423–439. DOI 10.15826/qr.2023.2.797 / Шкерин В. Сенатская площадь: декабристы против декабристов // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 423–439. DOI 10.15826/qr.2023.2.797.

Prince A. Suvorov, participated in cavalry attacks on the rebels. Why and how did these people end up in the ranks of opponents of their comrades in secret societies? Can their actions be explained by something as banal as a betrayal? Did the participants in the uprising accept such an explanation? And how did Nicholas I take the revealed facts of officers' participation in secret societies who took his side in the confrontation on 14 December? The author of the article puts forward answers to these questions.

Keywords: Decembrist movement, secret societies, revolt of 14 December 1825, Nicholas I

В статье рассматривается исторический парадокс – участие бывших и настоящих членов тайных декабристских обществ в подавлении петербургского восстания 14 декабря 1825 г. Так, бывший член Союза благоденствия адъютант Николая I полковник В. А. Перовский встречал на городской заставе великого князя Михаила Павловича, прибывшего из Варшавы с письмом от цесаревича Константина, а затем призывал на площадь верные императору войска. Другой адъютант, член того же союза полковник А. А. Кавелин, доставил в Зимний дворец юного цесаревича Александра Николаевича (будущего Александра II) и посетил от имени императора смертельно раненного генерал-губернатора Петербурга графа М. А. Милорадовича. Член Союза спасения и Союза благоденствия генерал С. П. Шипов командовал гвардейской бригадой и пытался не допустить присоединения Гвардейского экипажа к повстанцам. При подобной же попытке в лейб-гвардии Московском полку был ранен член Союза благоденствия полковник П. К. Хвощинский. Полковник лейб-гвардии Финляндского полка А. Ф. фон Моллер командовал в тот день караулами в Зимнем дворце, Адмиралтействе и Сенате. Офицеры-кавалергарды, члены петербургского филиала Южного общества И. А. Анненков, князь А. Н. Вяземский, Н. Н. Депрерадович, Д. А. Арцыбашев и член Северного общества А. М. Муравьев, а также участник обоих тайных обществ корнет лейб-гвардии Конного полка князь А. А. Суворов участвовали в кавалерийских атаках на повстанцев. Почему и как эти люди оказались в рядах противников своих товарищей по тайным обществам? Можно ли объяснить их действия банальным предательством? Принимали ли такое объяснение участники восстания? И как воспринял Николай I вскрывшиеся факты участия в тайных обществах офицеров, принявших его сторону в противостоянии 14 декабря? Ответы на эти вопросы предложены автором статьи.

Ключевые слова: движение декабристов, тайные общества, восстание 14 декабря 1825 г., Николай I

Современные исследователи истории декабристского движения призывают к отказу «от герценовских представлений о декабристах как о «богатырях из чистой стали»», к десакрализации самого понятия «декабристы» [Эрлих, с. 280]. Предполагается, что результатом такого

«избавления... от вненаучных смыслов» должны стать «не смена знаков, не создание новой, уже негативной, легенды о декабристах, а полный и всесторонний историографический анализ как отрицательных сторон этого движения, так и положительных» [Киянская, с. 118].

Однако уже сама простота «смены знаков» – плюса на минус и восхваления на осуждение – сделала возможным стремительный рост числа антидекабристских сочинений, авторами которых выступают преимущественно непрофессиональные историки. Следующий пассаж взят из книги, декларирующей целью создать «очищенный от “толстого слоя позолоты” образ декабристов»: «Среди приближенных императора Николая – три его адъютанта. Все в чине полковника, участники Отечественной войны 1812 года. Состояли в тайных обществах до 1821 года, потом отошли и более никуда не вступали. <...> К “декабристам” они не имели никакого отношения, а наоборот – принимали активное участие в разгроме мятежа и пожалованы флигель-адъютантами 14 декабря 1825 года» [Крутов, Швецова-Крутова, с. 241]. Речь здесь идет о А. А. Кавелине, В. А. Перовском и Н. П. Годейне (Годейне).

Но десятилетняя история движения не равна революционному кризису рубежа 1825–1826 гг., поэтому участие названных лиц «в разгроме мятежа» еще не исключает их из числа декабристов. Между тем, помимо трех полковников, среди сторонников Николая I на Сенатской площади были и другие члены тайных обществ – от обер-офицеров до генерала. В современной научной литературе факт наличия таких сторонников у нового императора отмечается [Бокова, с. 391], но без попыток его комплексного объяснения. Такая ситуация побуждает к постановке ряда взаимосвязанных вопросов:

- Какие причины привели бывших или настоящих членов тайных обществ в ряды противников повстанцев 14 декабря 1825 г.?
- Значительна ли была их роль в подавлении восстания?
- Сочли ли повстанцы их позицию предательством?
- Как оценил Николай I вскрывшиеся факты участия в тайных обществах офицеров, принявших его сторону в противостоянии 14 декабря? Заслужили ли эти офицеры его прощение?

Василий Алексеевич Перовский сопровождал Николая Павловича в вояжах по России и за границу в 1816–1817 гг. и в 1822 г. стал его адъютантом. Современники отмечали свободу, с которой он общался с Николаем не только до, но и после воцарения [Корф, с. 111; Фишер, с. 67]. Эти отношения не помешали Перовскому вступить в Военное общество и в Союз благоденствия.

Как известно, заговорщики воспользовались непоследовательностью цесаревича Константина Павловича, который, отказавшись от трона при уже проведенной в его пользу присяге, наблюдал из Варшавы за развитием петербургских событий. Не без помощи декабристов по столице распространялся слух об узурпации трона Николаем и об аресте им своих братьев Константина и Михаила. В такой ситуа-

ции особое значение обрело возвращение из Варшавы в Петербург Михаила с письменным изложением «непреложной воли» Константина к отречению. Великий князь Михаил Павлович также занимал ряд важных постов в гвардии, в их числе с 1824 г. – шефа лейб-гвардии Московского полка [Дмитриев, с. 6].

В 1848 г. В. А. Перовский писал барону М. А. Корфу:

Что касается собственно меня, то с вечера 13 числа и ночь с 13-го на 14-е я повел на Нарвском въезде в ожидании... Михаила Павловича, коего государь император повелел мне предупредить, что утром 14-го числа назначена войсковая присяга [Записки очевидцев, вып. 3, с. 30].

На Нарвской заставе стоял караул Московского полка под командованием поручика А. С. Кушелева (будущего генерал-майора и командира московцев в 1840–1850-х гг.). Накануне член Северного общества М. А. Бестужев предупредил его о готовившемся возмущении [Воспоминания Бестужевых, с. 390, 398]. Перовский вспоминал:

Среди ночи Кушелева вызвали из караульной на улицу. То были Щепин и, кажется, Бестужев, приезжавшие уговаривать Кушелева не присягать государю императору Николаю Павловичу. Но офицер этот, предваренный мною, не поддался злонамеренным внушениям и удержал от того свою команду [Записки очевидцев, вып. 3, с. 30–31].

На самом деле вместе с Бестужевым приезжал другой московец – подпоручик М. Ф. Кудашев. Бестужев в ту ночь был дежурным по караулам полка, поэтому мог объявить солдатам, что привез приказ о задержании царева брата. Присутствие николаевского адъютанта исключало такое объяснение [Высочков, с. 233–234; Гордин, кн. 1, с. 278–280]. Около девяти часов утра Перовский встретил Михаила Павловича и незамедлительно доставил в Зимний дворец. Николай I получил важный козырь для опровержения слухов о раздоре в царском доме.

Но решающий день только начинался. Воспоминания В. А. Перовского повествуют о его кипучей деятельности по собиранию верных Николаю сил:

Рано утром, возвратившись с заставы во дворец, я был послан в л.-гв. Егерский полк; едуци оттуда, я обогнал нестройные толпы л.-гв. Московского полка, шедшие по Гороховой улице на Сенатскую площадь, о чем и было мною донесено Его Императорскому Величеству. После сего я по приказанию государя дважды ездил в л.-гв. Конный полк... [Записки очевидцев, вып. 3, с. 30].

Между двумя поездками к конногвардейцам Перовский сопровождал Николая I во главе батальона лейб-гвардии Преображенского полка с Дворцовой площади на Сенатскую. Николай вспоминал:

Тогда со мною были генерал-адъютанты Кутузов, Стрекалов, флигель-адъютанты Дурново и адъютанты мои Перовский и Адлерберг. Адъютанта моего Кавелина послал я к себе в Аничкин дом, перевесть детей в Зимний дворец. Перовского послал я в конную гвардию с приказанием выезжать ко мне на площадь [Междуцарствие, с. 23].

Когда император решился применить артиллерию, Перовский был послан предварительно вывести из зоны обстрела верных конногвардейцев и конноопионеров [Записки очевидцев, вып. 4, с. 120]. Пересекая мятежную площадь, он получил удар брошенным в спину поленом. Последствия этой травмы – «легочные спазмы» – мучили Перовского всю дальнейшую жизнь.

Намеренно или нет, но современники приписывали В. А. Перовскому и действия, которых он 14 декабря 1825 г. не совершал. Политэмигрант князь П. В. Долгоруков утверждал, что Перовский, «чтобы доказать свое верноподданническое усердие, бросился с солдатами обшаривать дом графини Лаваль», у которой гостил ее зять, несостоявшийся декабристский диктатор князь С. П. Трубецкой:

Там Перовский стал ломать замки шкафов и письменных столов, и эта ванькокаиновская работа увенчалась успехом. В одном столе он нашел бумажник князя Трубецкого, а в бумажнике – листок с намеченными пунктами прокламации предполагаемого нового правительства [Долгоруков, с. 271].

Однако сам Николай I свидетельствовал, что во дворец Лавалей отправил флигель-адъютанта князя Андрея Голицына, действительно обнаружившего черновик Трубецкого «особой важности; это была программа на весь ход действий мятежников на 14 число» [Междуцарствие, с. 29].

Князь С. П. Трубецкой вспоминал, что обсуждал известие о кончине Александра I с А. А. Кавелиным и Н. П. Годаином [Трубецкой, 1983, с. 296]. На привлечение этих бывших членов Союза благоденствия к мятежу он не рассчитывал: «Кавелин и Годаин были адъютантами вел[икого] кн[язя] Николая и потому отстранены от 14-го числа» [Трубецкой, 2011, с. 82]. Адъютант столичного генерал-губернатора А. П. Башуцкий видел А. А. Кавелина (бывшего 14 декабря дежурным адъютантом) рядом с монархом на Дворцовой площади в 10-м часу утра, когда там «было чрезвычайно мало лиц известных» [14 декабря 1825 года, с. 119]. В приведенной выше цитате Николай утверждал, что послал Кавелина в Аничков дворец и Перовского к конногвардейцам почти одновременно, но не упоминал первого из них в числе лиц, шедших с батальоном преображенцев. На самом деле он отослал Кавелина еще из Зимнего дворца в начале 12-го часа:

Узнав о происшествиях в Московском полку, государь изволил позвать меня в кабинет, объявил мне об этом и послал в Аничковский дворец за детьми; я нашел там только наследника... посадил его из предосторожности в наемную карету с генералом Мердером и привез во дворец в ту минуту, как император вышел к 1-му Преображенскому батальону [Записки очевидцев, вып. 3, с. 45].

Вероятно, этот эпизод повлиял на назначение А. А. Кавелина воспитателем цесаревича Александра в мае 1834 г. вместо умершего К. К. Мердера.

Вскоре после доставки цесаревича А. А. Кавелин был послан за лейб-гвардии Павловским полком. Приведя три роты павловцев и расставив их на подступах к Зимнему дворцу, он получил приказ привести Измайловский полк, «если там все спокойно». Оговорка, сделанная Кавелиным в письме Корфу, не случайна. С одной стороны, Кавелин, Годеин и Перовский состояли офицерами этого полка. Их однополчанин А. Ф. фон Бригген показал на следствии, что Годеин с Кавелиным основали Измайловскую управу Союза благоденствия и приняли его самого в тайное общество [Восстание декабристов, т. 16, с. 437]. С другой стороны, Николай Павлович, будучи шефом полка, имел у его офицеров плохую репутацию. При проведении «переприсяги» декабристы-измайловцы «уговаривали солдат не давать никому присяги, кроме Константина Павловича» и «возбуждали людей к неповиновению» [Гордин, кн. 2, с. 42–43]. Тем не менее, «Кавелин... энергиею и распорядительностью своею предупредил всякое недоразумение и повел полк из казарм на Сенатскую площадь» [14 декабря 1825 года, с. 189].

Вечером А. А. Кавелину выпало еще одно монаршее поручение – ехать в конногвардейские казармы к тяжелораненому генерал-губернатору графу М. А. Милорадовичу. Графа он нашел «в ужасных предсмертных страданиях, но в памяти». Кавелину граф сказал: «Доложите государю... я умираю, но счастлив, что умираю за него. <...> Тут же отдал мне пистолетную пулю, которой он был смертельно ранен и которую я вручил его величеству» [Записки очевидцев, вып. 3, с. 47]. Башуцкий сообщал, что Кавелин привез Милорадовичу собственноручное монаршее письмо, а самому адъютанту велел «являться по временам во дворец в случае особых изменений в положении графа, чтоб доносить о сем» [14 декабря 1825 года, с. 134]. Последнее требование адъютант ввиду наступавшей у начальника агонии выполнить не мог.

В тот же день бывшие адъютанты великого князя Николая Павловича А. А. Кавелин, В. А. Перовский и Н. П. Годеин стали флигель-адъютантами императора, как и еще пять офицеров, включая двух бывших адъютантов – И. Ф. Деллинггаузена и К. М. Ивелича. На следующий день количество флигель-адъютантов достигло 36 (включая П. К. Хвоцинского и А. Ф. фон Моллера, о которых речь пойдет

ниже) и еще возросло в январе 1826 г. [Милорадович, с. 107–110]. Все это были люди, принявшие 14 декабря сторону молодого монарха. На следствии имени Кавелина, Перовского и Годаина высочайше велено было оставить без внимания, при этом двое первых привлекались к разбору бумаг арестованных мятежников [Ильин, с. 75].

Готовясь не к дворцовому перевороту, но к открытому вооруженному противостоянию, декабристы не старались вернуть в свои ряды николаевских адъютантов. Иным было их отношение к командирам воинских формирований.

Восставший Московский полк выводили из казарм на улицу три штабс-капитана – «северяне» Александр и Михаил Бестужевы, а также князь Д. А. Щепин-Ростовский, в тайных обществах не состоявший. Путь им преградили командир полка генерал-майор барон П. А. Фредерикс, командир бригады генерал-адъютант В. Н. Шеншин и командир батальона полковник П. К. Хвоцинский. Щепин ранил саблей и тем устранил Фредерикса и Шеншина. Бестужевы подступили к полковнику:

Оба с пистолетами в руках говорили ему, Хвоцинскому, чтобы он вел их за Константина! Хвоцинской при сем укорял их за беспорядок, что видя, нижние чины остановились. Щепин, заметя сие, бросился на него с саблею и нанес три кровавые раны» [Восстание декабристов, т. 1, с. 490] (следственные показания М. А. Бестужева).

Спустя десятилетия, работая над очерком «14 декабря 1825 года», М. Бестужев не простил Хвоцинскому отказ возглавить восставший полк и подал этот эпизод со злым сарказмом:

Щепин замахнулся на него саблею, Хвоцинский побежал прочь, согнувшись в дугу от страха, и Щепин имел только возможность вытянуть ему вдоль спины сильный удар саблею плашмя. Хвоцинский отчаянным голосом кричал, убегая:

– Умираю! умираю!

Солдаты помирали со смеху [Воспоминания Бестужевых, с. 71].

Ударить плоской стороной сабли – фухтелем или, иначе, «дать фухтелей» считалось наказанием, которому командир имел право подвергнуть подчиненного без решения суда. Если же штабс-капитан при солдатах «нафухтелял» полковнику, это означало, что воинская субординация перевернута с ног на голову, отменена. В беседе 1869 г. с историком М. И. Семевским М. А. Бестужев выразился еще резче: «Хвоцинский – по ж... батальонный командир плашмя рану получил» [Там же, с. 397].

Поскольку Фредерикс и Шеншин от полученных ран находились «без чувств», раненый не столь сильно Павел Кесаревич Хвоцинский поспешил с докладом о мятеже в Зимний дворец (император, впрочем, об этом уже знал). Принц Евгений Вюртембергский наблюдал из окна дворца, как Хвоцинский на площади «соскочил с саней, снял кивер и показывал на голове кровавые раны» [Междоусарствие, с. 111;

Гордин, кн. 2, с. 36]. Поручик П. И. Греч увидел Хвоцинского рядом с монархом уже во дворце и тут же отметил: «Дежурным по караулам был полковник Моллер 1-й» [Записки очевидцев, вып. 4, с. 145, 146].

Полковник лейб-гвардии Финляндского полка Александр Федорович фон Моллер, по свидетельству С. П. Трубецкого, Е. П. Оболенского, А. А. Бестужева и иных подследственных, не только состоял в тайном обществе, но и был «предварен» о планах повстанцев. Декабрист А. Е. Розен вспоминал, что «в этот самый день занимал караулы во дворце, в Адмиралтействе, в Сенате, в присутственных местах 2-й батальон л.-гв. Финляндского полка под начальством полковника А. Ф. Моллера, старинного члена тайного общества; в его руках был дворец» [Розен, с. 75]. По подсчетам военного историка Г. С. Габаева, на этих ключевых постах в подчинении Моллера находились три роты – до 500 штыков [Пресняков, с. 181]. Неудивительно, что в преддверии восстания Е. П. Оболенский, К. Ф. Рылеев и Н. А. Бестужев искали встречи с Моллером, и если первым двум поговорить с ним не удалось, то третий разговаривал дважды. Первая встреча состоялась вечером 12 декабря: Бестужев нашел Моллера «в наилучшем расположении» и с этой вестью «отправился к Рылееву». Но 13-го числа полковник говорил со своим дядей, начальником морского штаба А. В. Моллером, и настрой его изменился:

При первом вопросе о его намерениях он вспыхнул; сказал, что не намерен служить орудием и игрушкой других в таком деле, где голова твердо держится на плечах, и, не слушая наших убеждений, ушел [Воспоминания Бестужевых, с. 34].

Отказ А. Ф. Моллера означал потерю надежд и на его однопольчанина Александра Никитича Тулубьева. Декабрист Якушкин писал:

Полковникам Тулубьеву и Моллеру накануне было предложено вывести за собой Финляндский полк; но они оба не без явного смущения отвечали, что исполнение такого предприятия было невозможно и оно решительно было им не по силам [Записки... Якушкина, с. 154].

Позднее Екатерина Николаевна Моллер, доказывая преданность своего мужа монарху, утверждала, что А. Ф. Моллер пресек попытку мятежников «сменить внутренний караул в царских комнатах», за что на следующий день его публично хвалил государь [14 декабря 1825 года, с. 451]. В делах следствия сведений о такой попытке смены караула нет, что делает семейную легенду сомнительной. Зачислив Моллера в свиту 15 декабря, Николай более не желал менять отношения к отличившемуся и отмеченному офицеру: «Сперва улики против него казались важными – в знании готовившегося; доказательств не было, и я его отпустил» [Междоцарствие, с. 30]. «Высочайшим словесным повелением» Моллер был огражден от допросов, так что доказательств никто и не искал [Ильин, с. 72–74].

Еще упорнее декабристы пытались привлечь на свою сторону командира лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майора Сергея Павловича Шипова. «Я отвечаю за свой полк, я могу заставить своих солдат присягнуть, кому хочу», – говорил С. П. Шипов князю С. П. Трубецкому. И тот соглашался: «Из всех полковых командиров ты, верно, один можешь это сказать; к прочим, кажется, люди не имеют такой доверенности» [Трубецкой, 1983, с. 270]. При этом Шипов командовал не только «коренным» полком русской гвардии, в его подчинении находилась гвардейская бригада, состоявшая из Семеновского и Лейб-гренадерского полков, а также Гвардейского экипажа. Его младший брат Иван Павлович Шипов был полковником лейб-гвардии Преображенского полка. Ранее Шиповы состояли в Союзе спасения и Коренном совете Союза благоденствия. «После ликвидации Союза благоденствия Сергей Шипов не вступил в Северное общество, – пишет Я. А. Гордин. – Но дело было совсем не в том, являлся он формально членом общества или нет. Важно было принципиальное единомыслие» [Гордин, кн. 1, с. 2]. Лидер южных декабристов П. И. Пестель рассчитывал после переворота сделать С. П. Шипова военным министром [Трубецкой, 1983, с. 276–277].

Неудивительно, что Трубецкой поспешил к С. Шипову «по смерти имп. Александра», то есть если не 27 ноября, когда печальная весть достигла столицы, то вскоре. В напряженной обстановке тех дней они встречались дважды. При первом разговоре Шипов сожалел, что с ними не было брата, «который со 2-м Преображенским батальоном стоял вне города», и уверял, что «желает устроить так, чтоб можно было... втроем поговорить». При второй встрече он высказался за Николая и против Константина: «это человек просвещенный, европейский, а тот – злой варвар». Трубецкой сделал вывод, что «Шипов передался совсем на сторону вел. кн. Николая», и констатировал: «Это была для нас большая потеря, потому что Шипов был всегда членом, на которого полагались, и очень дружен с Пестелем» [Там же, с. 269–270]. В другом варианте «Записок» Трубецкой даже предположил, что «Шипов передал великому князю разговор свой с Трубецким» [Трубецкой, 2011, с. 74, 75]. Но, судя по материалам следствия, ни Шипов, ни Трубецкой не проронили ни слова о состоявшихся между ними разговорах.

14 декабря бригадный командир С. П. Шипов последовательно привел к присяге Николаю полки Семеновский и Лейб-гренадерский, но в Гвардейском экипаже встретил сопротивление.

Даже нижние чины тяготились этою присягой и без всяких приготовлений и как один человек отказались присягать вслед за офицерами, которые вышли к генералу Шипову, присланному для приведения присяги экипажа, и отказались присягнуть Николаю,

– вспоминал мичман А. П. Беляев [Беляев, с. 167]. Тогда проявилась, по определению академика М. В. Нечкиной, «особая позиция Сергея Шипова»: он «не смог и, очевидно, не захотел занять с самого начала

позицию властного, приказывающего командира – сторонника Николая I» [Нечкина, с. 306]. Ранее эту позицию Шипова – «убеждать, а не приказывать» – отмечал историк А. Е. Пресняков [Пресняков, с. 113–114], на книгу которого ссылалась академик. Первым же ее, пожалуй, отметил И. Д. Якушкин:

Шипов, незадолго перед тем ревностный член тайного общества и человек, совершенно преданный Пестелю, нашел в эту минуту для себя удобным разыграть роль посредника перед офицерами Гвардейского экипажа, не желавшими присягать. Он им ничего не приказывал как их начальник, но умолял не сгубить себя и доброе дело, уверял, что безрассудным своим предприятием они отсрочивают на неопределенное время исполнение того, чего можно ожидать от императора Николая Павловича [Записки... Якушкина, с. 149].

Сам Шипов в мемуарах оправдывался тем, что

...послал адъютанта моего, поручика Раевского, привезть ко мне как можно скорее 1-й батальон Семеновского полка... [но] Михаил Павлович остановил его и, присоединив к нему 2-й батальон, повел полки на Петровскую площадь, где собираются мятежники. Поэтому я соединился с полком и вместе с великим князем туда же последовал. По прибытию на сию площадь я увидел, что экипаж уже находится там в толпе мятежников... [Воспоминания... Шипова, с. 182].

Несмотря на нераспорядительность Шипова, допустившего уход экипажа к повстанцам, он в тот же день был пожалован в генерал-адъютанты [Милорадович, с. 23].

Не остался в стороне от событий 14 декабря и Иван Шипов. «Полк под начальством полковника Шипова прибыл в величайшей исправности и стоял у самого моста на канале батальон за батальоном», – отметил Николай I в «Записках» [Междоусарствие, с. 26].

Следствием неудачи объединения «южан» и «северян» стало учреждение в 1823–1824 гг. петербургского филиала Южного общества, членами которого стали более 20 бывших однополчан Павла Пестеля – кавалергардов. На поддержку этих союзников-соперников «северяне» могли лишь надеяться. И. Д. Якушкин констатировал:

В кавалергардах было более офицеров, принадлежавших к тайному обществу, нежели в каком-нибудь другом полку, но и тут присяга не ознаменовалась ни малейшим движением ни между офицерами, ни между солдатами [Записки... Якушкина, с. 155].

«Нерасположение членов Южного общества, очень многочисленных в Петербурге», назвал одной из причин неудачи восстания Д. И. Завалишин [Завалишин, с. 246]. «Никто из нас не участвовал в деле 14 декабря, потому что мы оспаривали своевременность восстания», – подтверждал

фактический лидер филиала П. Н. Свистунов [Свистунов, с. 246]. Впрочем, единственный кавалергард-«северянин» корнет А. М. Муравьев и его однополчанин-«южане» поручик И. А. Анненков и корнет Д. А. Арцыбашев имели иное мнение и еще вечером 13 декабря убеждали Свистунова не покидать столицы. Не вняв им, Свистунов тогда же уехал в Москву.

В результате из всех находившихся 14-го числа в Петербурге декабристов-кавалергардов один поручик А. С. Горожанский не принял присяги вместе с полком и не участвовал в кавалерийской атаке на мятежное каре. Его товарищи И. А. Анненков, Д. А. Арцыбашев, А. Н. Вяземский, Н. Н. Депрерадович и А. М. Муравьев этой участи не избежали. Герой романа А. Дюма «Учитель фехтования» граф Алексей Анненков соскочил с коня и отдал шпагу командиру в момент атаки, пояснив это так: «Потому что я принимал участие в заговоре и рано или поздно буду разоблачен и арестован». Реальный Иван Анненков «вышел на площадь с кавалергардским полком, занимая свое место как офицер 5-го эскадрона» [Анненкова, с. 36]. Декабрист А. Е. Розен писал, что Анненков прикрывал пушки, из которых были расстреляны повстанцы [Розен, с. 75].

Прочие декабристы-кавалергарды также сохранили подчиненность. Арцыбашев:

...Кроме того, что к[нязь] Оболенский проговаривался, что он надеется, что несколько рот не будет присягать, мы распоряжений того дня совершенно не знали до тех пор, пока не приехали с полком на место Петровской площади, где находились мятежники [Восстание декабристов, т. 18, с. 39–40].

Вяземский:

Когда полк вышел, я, быв рапортован больным, остался дома, а выехал и присоединился к полку, когда услышал выстрелы и что несколько генералов убиты [Там же, с. 82].

Депрерадович:

Во время присяги Муравьев подходил ко мне и говорил, что теперь минута, где мы должны солдат уговаривать, на что я отвечал, что на сие не согласен, что я остаюсь при своем месте и что, напротив, буду солдат удерживать. После сего все время был во фронте пред своим взводом [Там же, с. 280].

Развязку этой драмы описал сын декабриста Е. И. Якушкин:

Анненков, Александр Муравьев (кажется, тоже и Арцыбашев) стояли с Кавалергардским полком на площади против своих товарищей. Впрочем, это не спасло их. Через 5 дней они были арестованы своим полковым командиром Апраксиным и привезены во дворец [Якушкин, с. 289–290].

Анненкова и Муравьева осудили на каторгу, Арцыбашева и Вяземского перевели из гвардии в армию после полугодового заточения в крепости, Депрерадовича – сразу.

Корнет лейб-гвардии Конного полка светлейший князь Александр Аркадьевич Италийский, граф Суворов-Рымникский, также принял участие в атаке повстанцев, о чем не без гордости вспоминал на закате жизни:

Мы поскакали вперед во весь дух. Мне... пришлось перескочить через целую грудку и людей, и лошадей пионерного эскадрона! Лошади упали, но были, кажется, и убитые; я помню, что вахмистр пионерного эскадрона лежал под лошадьми! [Суворов, с. 208].

Вскоре выяснилась причастность корнета сразу к двум обществам – Северному и Южному, но судьба его сложилась иначе, чем у декабристов-кавалергардов. Ночь с 22 на 23 декабря князь провел под арестом и утром был допрошен в присутствии монарха. Обстоятельства допроса передавались современниками почти без разночтений. Так, маршал Огюст де Мармон, представлявший Францию на коронации Николая I, писал:

Внук Суворова был сильно скомпрометирован. Император пожелал допросить его лично с целью дать молодому человеку средство оправдаться. На его первые слова он отвечал: «Я был уверен, что носящий имя Суворова не может быть сообщником в столь грязном деле!» – и так продолжал в течение всего допроса [цит. по: Ансело, с. 268].

Князь П. В. Долгоруков писал об А. А. Суворове:

Замешанный в заговоре 14 декабря 1825 года, он был обязан сперва помилованием, а потом быстрой карьерой тому восхищению, которое император Николай питал к памяти знаменитого Суворова [Долгоруков, с. 453].

Суворов-внук даже не получал оправдательного аттестата, как порой утверждается в литературе [Федоров, с. 66], а был прощен до открытия регулярных заседаний следственной комиссии [Ильин, с. 138]. Уже 14 декабря 1825 г. он был произведен в эстандарт-юнкеры, а 1 января 1826 г. – в корнеты. Князь принял участие в похоронах Александра I и в коронационных торжествах Николая I [ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2964. Л. 17 об. –18]. Лишь затем, по словам А. Е. Розена, «граф А. А. Суворов-Рымникский, князь Италийский был удален на Кавказ после 14 декабря» [Розен, с. 341].

Итак, члены тайных обществ оказались в рядах противников повстанцев 14 декабря 1825 г. по различным причинам. Участники, покинувшие движение до 1821 г., могли искренне не видеть тут проблемы выбора: «Законоположение» Союза благоденствия звало их «споспешествовать правительству», а не участвовать в военном мятеже. Подобным образом могли воспринимать происходившие события В. А. Перовский, А. А. Кавелин, Н. П. Годеин, П. К. Хвоцинский. Все участники движения понимали необходимость преобразований в стране, но одни уповали на инициативы снизу и реформы сверху, другие пришли к мысли о допустимости революционного насилия.

Некоторые выбирали сторону по мере развития противостояния: это С. П. Шипов, А. Ф. Моллер, А. Н. Тулубьев. Князь С. П. Трубецкой рассуждал:

Ныне предстояло действие решительное, не представлявшее в случае успеха ни богатства, ни почестей, ни власти; и которое в случае неуспеха угрожало гибелью. Вернее было предаться на сторону силы, нежели подвергнуть себя, может быть, беславию и бесславной смерти. Таким образом, общество увидело себя ослабленным чрез отступление таких членов, которые должны были сделать значительный перевес, по власти, которую чины их предоставляли им в рядах гвардии [Трубецкой, 2011, с. 73].

Члены петербургского филиала Южного общества оказались заложниками несогласованности действий «южан» и «северян». После отъезда П. Н. Свистунова, не видя над собой руководства со стороны заговорщиков и состоя в невысоких чинах, они подчинились привычной гвардейской субординации, вышли на площадь со своими полками.

Индивидуальные роли в подавлении восстания также были различны, но в целом вклад получился вполне весомый: члены общества собирали верные полки, выполняли особые монаршие поручения, командовали воинскими формированиями. Согласно мемуарным свидетельствам, членом тайного общества был и подпоручик лейб-гвардии Пешей артиллерии князь Александр Голицын, пушки которого стреляли в повстанцев [Воспоминания Бестужевых, с. 77; Записки... Якушкина, с. 150; Завалишин, с. 263–263]. Едва вступив на престол и опасаясь, что не все тайные общества разоблачены, Николай I решил не выяснять былую степень причастности к ним старших офицеров, доказавших свою верность 14 декабря. Закрыв он глаза и на прегрешения А. А. Суворова, очевидно, сравнив незначительную на тот момент фигуру молодого офицера с возможной негативной реакцией общества и армии на арест внука прославленного полководца. Корнеты и поручики-кавалергарды, несмотря на участие в атаке на мятежное каре, высочайшего прощенья не заслужили.

Оправдание Суворова было воспринято осужденными как доказательство того, что «ни в арестах, ни в присуждении наказаний

1. А. А. Суворов. Портрет художника Ф. Крюгера. 1851. Государственный Эрмитаж

A. A. Suvorov. Portrait by F. Krüger. 1851. State Hermitage Museum

2. С. П. Шипов. Литография
И. Беггрова. Государственный
исторический музей

S. P. Shipov. Lithography by I. Beggrov.
State Historical Museum

или освобождении от них не было справедливости» [Завалишин, с. 266]. Но негодование вызывали не А. А. Суворов и С. П. Шипов, а император: «как хладнокровно он мог рассуждать и поступать при разборе нашего дела и в применении правосудия к лицам, участвовавшим в тайном обществе» [Басаргин, с. 84]. В ссыльнокааторжной Сибири декабристы сумели сохранить единство, наложив вето на порицание товарищей за поведение 14 декабря и на допросах. Участие в кавалергардской атаке не сделало И. А. Анненкова и А. М. Муравьева изгоями в среде каторжан. Отношение же неосужденных сочленов не в последнюю очередь зависело от личных обстоя-

тельств. Выше приводились негативные отзывы М. Бестужева о Хвощинском, которого они с братом безуспешно звали возглавить восстание. Трубецкой, полемически рассуждая о том, что «тайное общество состояло не из одних злоумышленных и безнравственных людей, когда многие из бывших его членов продолжали занимать... высокие должности», в числе прочих приводил в пример Кавелина и Годеина [Трубецкой, 2011, с. 81–82]. Однако в другом варианте того же списка он упомянул Шипова и Моллера (одного из которых агитировал сам, другого – Н. Бестужев) как «изменивших обществу» [Трубецкой, 1983, с. 245].

В предисловии к роману «Смерть Вазир-Мухтара» Юрий Тынянов писал: «На очень холодной площади в декабре месяце тысяча восьмьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов» [Тынянов, с. 9]. В решающий момент, когда «время вдруг переломилось», герои этой статьи оказались вынуждены закладывать первые камни в фундаменты новых жизненных стратегий. Немногие затем ушли в отставку, в частную жизнь, большинство же продолжило служить, пытаясь найти компромисс между своими былыми идеалами и все более жесткими реалиями Николаевского правления.

Библиографические ссылки

- 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев / сост. П. В. Ильин при участ. А. А. Кононова. СПб. : Академ. проект, 1999. 750 с.
- Анненкова П.* Воспоминания. М. : Захаров, 2003. 384 с.
- Ансело Ф.* Шесть месяцев в России. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 288 с.
- Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1988. 544 с.
- Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном, 1805–1850. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1882. 4, 507 с.

- Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. М. : Реалии-Пресс, 2003. 656 с.
- Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М. К. Азадовского. Репринт. воспр. изд. 1951 г. СПб. : Наука, 2005. 892 с.
- Воспоминания Сергея Павловича Шипова // Рус. архив. 1878. Вып. 5–8. С. 144–202.
- Восстание декабристов : [в 23 т.]. М. ; Л. : Гос. изд-во : Наука, 1925–. Т. 1. 540 с. Т. 16. 400 с. Т. 18. 368 с.
- Высочков Л. В.* Император Николай I. Человек и государь. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. 644 с.
- Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов : [в 2 кн.]. СПб. : Изд-во «Пушкинского фонда», 2006. Кн. 1. 288 с. Кн. 2. 224 с.
- Дмитриев М. М.* Краткая история лейб-гвардии Московского полка с 1811 г. по 1883 год. СПб. : Типолит. П. И. Шмидта, 1883. 14 с.
- Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта: 1860–1867. М. : Новости, 1992. 560 с.
- Завалишин Д.* Воспоминания. М. : Захаров, 2003. 608 с.
- Записки очевидцев 14 декабря 1825 года. Из архива М. А. Корфа / вступ. ст., публ. и коммент. Т. В. Андреевой и Т. Н. Жуковской // 14 декабря 1825 года : Источники, исследования, историография, библиография : [в 8 вып.]. СПб. ; Кишинев : Nestor-Historia, 2000. Вып. 3. С. 9–59.
- Записки очевидцев 14 декабря 1825 года. Из архива М. А. Корфа / вступ. ст. и подг. текста Т. В. Андреевой и П. В. Ильина // 14 декабря 1825 года : Источники, исследования, историография, библиография : [в 8 вып.]. СПб. ; Кишинев : Nestor-Historia, 2001. Вып. 4. С. 93–181.
- Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина / ред. и коммент. С. Я. Штрайха. Репринт. воспр. изд. 1951 г. СПб. : Наука, 2007. 740 с.
- Ильин П. В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб. : Нестор-История, 2004. 664 с.
- Киянская О. И.* Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825 г. – 3 января 1826 г.). М. : РГГУ, 1997. 190 с.
- Корф М. А.* Записки. М. : Захаров, 2003. 720 с.
- Крутов В. В., Швецова-Крутова Л. В.* Белые пятна красного цвета : Декабристы : [в 2 кн.]. М. : ТЕРРА – Книж. клуб, 2001. Кн. 1. 400 с.
- Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / подг. к печати Б. Е. Сыроечковский. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. 248 с.
- Милорадович Г. А.* Список лиц Свиты Их Величеств с царствования Императора Петра I по 1886 г. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1886. 208 с.
- Нечкина М. В.* Движение декабристов : [в 2 т.]. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. 2. 507 с.
- ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 2964.
- Пресняков А. Е.* 14 декабря 1825 года; с приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. 225 с.
- Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 660 с.
- Свистунов П. Н.* Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск : Мемориальный музей декабристов, 2002. 416 с.
- Суворов А. А.* Лейб-гвардии Конный полк 14-го декабря 1825 года // Рус. старина. 1881. Т. 30, вып. 1. С. 205–210.
- Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности : [в 2 т.]. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1983. Т. 1. 416 с.
- Трубецкой С. П.* Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. / сост., вступ. ст., подг. текста и коммент. Т. В. Андреевой и П. В. Ильина. СПб. : Лики России, 2011. 384 с.
- Тынянов Ю. Н.* Смерть Вазир-Мухтара // Тынянов Ю. Н. Соч. : [в 3 т.]. М. ; Л. : Гослитиздат, 1959. Т. 2. С. 5–458.

- Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...». М. : Мысль, 1988. 298 с.
- Фишер К. И. Записки сенатора. М. : Захаров, 2008. 368 с.
- Эрлих С. Е. Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведения (по материалам библиографических указателей 1929–1994) // 14 декабря 1825 года : источники, исслед., историография, библиогр. : [в 8 вып.]. СПб. ; Кишинев : Nestor-Historia, 2000. Вып. 3. С. 259–282.
- Якушкин Е. И. Замечания на записки (Моп Journal) А. Муравьева // Муравьев А. М. Записки и письма. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1999. С. 284–291.

References

- Annenkova, P. (2003). *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Zakharov. 384 p.
- Anselo, F. (2001). *Shest' mesyatsev v Rossii* [Six Months in Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 288 p.
- Azadovsky, M. K. (2005). *Vospominaniya Bestuzhevykh* [Memoirs of the Bestuzhevs]. St Petersburg, Nauka. 892 p.
- Basargin, N. V. (1988). *Vospominaniya, rasskazy, stat'i* [Memoirs, Stories, Articles]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 544 p.
- Belyaev, A. P. (1882). *Vospominaniya dekabristsa o perezhitom i perechuvstvovannom, 1805–1850* [Memoirs of a Decembrist about What He Experienced and Felt, 1805–1850]. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina. 4, 507 p.
- Bokova, V. M. (2003). *Epokha tainykh obshchestv* [The Era of Secret Societies]. Moscow, Reali-Press. 656 p.
- Dmitriev, M. M. (1883). *Kratkaya istoriya leib-gvardii Moskovskogo polka s 1811 g. po 1883 god* [A Brief History of the Life Guards of the Moscow Regiment from 1811 to 1883]. St Petersburg, Tipolitografiya P. I. Shmidta. 14 p.
- Dolgorukov, P. V. (1992). *Peterburgskie ocherki. Pamflety emigranta: 1860–1867* [Petersburg Essays: Pamphlets of an Emigrant: 1860–1867]. Moscow, Novosti. 560 p.
- Ehrlich, S. E. (2000). Kogo schitat' dekabristom? Otvet sovetskogo dekabristovedeniya (po materialam bibliograficheskikh ukazatelei 1929–1994) [Who Should be Considered a Decembrist? The Answer of the Soviet Decembrist Studies (Based on the Materials of Bibliographic Indexes 1929–1994)]. In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya v 8 vyp.* St Petersburg, Chisinau, Nestor-Historia. Iss. 3, pp. 259–282.
- Fedorov, V. A. (1988). "Svoei sud'boi gordimsya my..." ["We are Proud of our Destiny..."]. Moscow, Mysl'. 298 p.
- Fisher, K. I. (2008). *Zapiski senatora* [Senator's Memoirs]. Moscow, Zakharov. 368 p.
- Gordin, Ya. A. (2006). *Myatezh reformatorov v 2 kn.* [Revolt of the Reformers. 2 Books]. St Petersburg, Izdatel'stvo "Pushkinskogo fonda". Book 1. 288 p. Book 2. 224 p.
- Il'in, P. V. (2004). *Novoe o dekabristakh. Proshchennyye, opravdannyye i neobnaruzhennyye uchastniki tainykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg.* [The New about Decembrists: Pardoned, Acquitted, and Undiscovered Participants of Secret Societies and Military Actions of 1825–1826]. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 664 p.
- Il'in, P. V., Kononov, A. A. (Eds.). (1999). *14 dekabrya 1825 goda. Vospominaniya ochevidtsev* [December 14, 1825. Eyewitnesses' Memories]. St Petersburg, Akademicheskii projekt. 750 p.
- Kiyanskaya, O. I. (1997). *Yuzhnyi bunt. Vosstanie Chernigovskogo pekhotnogo polka (29 dekabrya 1825 g. – 3 yanvarya 1826 g.)* [The Southern Revolt: The Uprising of the Chernigov Infantry Regiment (December 29, 1825 – January 3, 1826)]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 190 p.
- Korf, M. A. (2003). *Zapiski* [Memoirs]. Moscow, Zakharov. 720 p.
- Krutov, V. V., Shvetsova-Krutova, L. V. (2001). *Belye pyatna krasnogo tsveta. Dekabristy v 2 kn.* [White Spots of Red. Decembrists. 2 Books]. Moscow, TERRA – Knizhnyi klub. Book 1. 400 p.
- Miloradovich, G. A. (1886). *Spisok lits Svity Ikh Velichestv s tsarstvovaniya Imperatora Petra I po 1886 g.* [List of Persons of Their Majesties' Retinue from the Reign of Emperor Peter I to 1886]. Kiev, Tipografiya S. V. Kul'zhenko. 208 p.

Nechkina, M. V. (1955). *Dvizhenie dekabristov v 2 t.* [The Decembrist Movement. 2 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 2. 507 p.

OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. Stock 608. List 1. Dos. 2964.

Presnyakov, A. E. (1926). *14 dekabrya 1825 goda; s prilozheniem voenno-istoricheskoi spravki G. S. Gabaeva "Gvardiya v dekabr'skie dni 1825 goda"* [December 14, 1825; with the Appendix of the Military Historical Reference of G. S. Gabaev "The Guard in the December Days of 1825"]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 225 p.

Rozen, A. E. (2008). *Zapiski dekabrista* [Memoirs of a Decembrist]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 660 p.

Streich, S. Ya. (Ed.). (2007). *Zapiski, stat'i, pis'ma dekabrista I. D. Yakushkina* [Memoirs, Articles, Letters of the Decembrist I. D. Yakushkin]. 1951 Reprint Ed. St Petersburg, Nauka. 740 p.

Suvorov, A. A. (1881). Leib-gvardii Konnyi polk 14-go dekabrya 1825 goda [Guards Cavalry Regiment on December 14, 1825]. In *Russkaya starina*. Vol. 30. Iss. 1, pp. 205–210.

Svistunov, P. N. (2002). *Sochineniia i pis'ma* [Writings and Letters]. Vol. 1. Irkutsk, Memorial'nyi muzei dekabristov. 416 p.

Syroechkovskii, B. E. (Ed.). (1926). *Mezhdutsarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarakh chlenov tsarskoi sem'i* [The Interregnum of 1825 and the Decembrist Uprising in Correspondence and Memoirs of Members of the Royal Family]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 248 p.

Trubetskoi, S. P. (1983). *Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti v 2 t.* [Materials about Life and Revolutionary Activities. 2 Vols.]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 1. 416 p.

Trubetskoi, S. P. (2011). *Pis'ma I. N. Tolstomu 1818–1823 gg.* [Memoirs. Letters to I. N. Tolstoy 1818–1823] / publ. by T. V. Andreeva, P. V. Il'in. St Petersburg, Liki Rossii. 384 p.

Tynyanov Yu. N. (1959). Smert' Vazir-Mukhtara [Death of Vazir-Mukhtar]. In Tynyanov, Yu. N. *Sochineniia v 3 t.* Moscow, Leningrad, Goslitizdat. Vol. 2, pp. 5–458.

Vospominaniya Sergeya Pavlovicha Shipova [Memoirs of Sergei Pavlovich Shipov]. (1878). In *Russkii arkhiv*. Iss. 5–8, pp. 144–202.

Vosstanie dekabristov v 23 t. [The Decembrist Revolt. 23 Vols.]. (1925–). Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Vol. 1. 540 p. Vol. 16. 400 p. Vol. 18. 368 p.

Vyskochkov, L. V. (2001). *Imperator Nikolai I. Chelovek i gosudar'* [Emperor Nicholas I. A Man and a Sovereign]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 644 p.

Yakushkin, E. I. (1999). Zamechaniya na zapiski (Mon Journal) A. Murav'eva [Comments on the Memoirs (*Mon Journal*) by A. Muravyov]. In Murav'ev, A. M. *Zapiski i pis'ma*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 284–291.

Zapiski ochevidtsev 14 dekabrya 1825 goda. Iz arkhiva M. A. Korfa [Eyewitness Memoirs on December 14, 1825. From the Archive of M. A. Korf] / publ. by T. V. Andreeva, T. N. Zhukovskaya. (2000). In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya v 8 vyp.* St Petersburg, Kishinev, Nestor-Historia. Iss. 3, pp. 9–59.

Zapiski ochevidtsev 14 dekabrya 1825 goda. Iz arkhiva M. A. Korfa [Eyewitness Memoirs on December 14, 1825. From the Archive of M. A. Korf] / publ. by T. V. Andreeva, P. V. Il'in. (2001). In *14 dekabrya 1825 goda. Istochniki, issledovaniya, istoriografiya, bibliografiya v 8 vyp.* St Petersburg, Kishinev, Nestor-Historia. Iss. 4, pp. 93–181.

Zavalishin, D. (2003). *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Zakharov. 608 p.

The article was submitted on 24.01.2023